

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2017

БОРИС
СОКОЛОВ

МАГА ХАРИ

АВАНТЮРИСТКА
ИЛИ ШПИОНКА?

Главная кинопремьера года

Борис Соколов

**Мата Хари. Авантюристка
или шпионка?**

«Алгоритм»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соколов Б. В.

Мата Хари. Авантюристка или шпионка? / Б. В. Соколов —
«Алгоритм», 2017 — (Главная кинопремьера года)

ISBN 978-5-906880-82-6

К выходу самого высокобюджетного телесериала года – «Мата Хари». Танцовщица и шпионка Мата Хари и через сто лет после своей смерти продолжает привлекать внимание публики по всему миру. Кем же она была? Несомненно, выдающейся актрисой и не менее выдающейся авантюристкой. А вот насчет того, была ли Мата Хари разведчицей, существуют большие сомнения. Хотя порой ее и называют «самой известной шпионкой всех времен и народов». Известный историк Борис Соколов разобрался и рассказал в этой книге читателям подлинную историю Маты Хари.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906880-82-6

© Соколов Б. В., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	6
Юность	8
Путь на сцену	14
Расцвет карьеры	24
Война	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Соколов

Мата Хари. Авантюристка или шпионка?

© Соколов Б.В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Танцовщица и шпионка Мата Хари и через сто лет после своей смерти продолжает привлекать внимание публики по всему миру. Кем же она была? Несомненно, выдающейся актрисой и не менее выдающейся куртизанкой. А вот насчет того, была ли Мата Хари выдающейся разведчицей, существуют большие сомнения. Хотя порой ее и называют «самой известной шпионкой всех времен и народов», настоящей «королевой шпионажа».

Досье французской разведки на Мату Хари до сих пор остается секретным. С ним через несколько лет после Первой мировой войны смогли частично ознакомиться журналисты Ален Прель и Сэм Ваагенаар. Подробности обвинительного заключения по делу Маты Хари никогда не публиковались. Ее процесс иногда называют самым сенсационным шпионским процессом Первой мировой войны. По словам одного из ее биографов, американского журналиста, голландца по происхождению Сэма Ваагенаара, «в жизни Маты Хари было две вещи, создавшие ей славу, – ее танец и ее предполагаемая шпионская деятельность. Вместе и то и другое длилось двенадцать лет и семь месяцев». Ваагенаар, наиболее добросовестный на сегодня биограф Маты Хари, проживший довольно бурную жизнь, в которой была и работа в качестве корреспондента на Нюрнбергском процессе в 1946 году, и путешествия едва ли не по всему миру, скончался в 1997 году в возрасте 89 лет. А книгу о Мате Хари он выпустил в 1965 году. До этого взгляд на нее во всем мире был преобладающе негативный, как на презренную шпионку и развратницу.

Утверждения, будто вследствие ее шпионской работы были потоплены семнадцать союзных транспортов с войсками и погибло не менее дивизии союзных войск, – это не более чем легенды, призванные оправдать суровый приговор известной танцовщице. Точно так же и единственный французский агент в Бельгии, которого якобы выдала Мата Хари, на самом деле, как мы увидим по ходу книги, никак не мог быть ее жертвой. Да и сам начальник французской контрразведки капитан Жорж Ладу, сделавший все, чтобы погубить Мату Хари, впоследствии признавал, что свое шпионское ремесло «шпионка века» знала из рук вон плохо.

Дело Маты Хари выросло из тех проблем, с которыми разведки и контрразведки всех стран столкнулись в годы Первой мировой войны. Эта война была беспрецедентной как по количеству вовлеченного в нее количества войск, вооружений и боевой техники, так и по продолжительности – более четырех лет. В течение полувека, предшествовавшего 1914 году, в Европе так долго не воевали. Новый характер боевых действий, когда всю Европу пересекли фронты и лишь считанные государства остались нейтральными, предъявил новые требования к разведке. Война приняла позиционный характер, и на первый план вышла тактическая разведка в прифронтовой зоне. Она осуществлялась как разведывательными группами, так и новейшими средствами борьбы: самолетами, дирижаблями, аэростатами, а также посредством перехвата неприятельских радиogramм и телеграмм. Агентурная разведка, прежде игравшая основную роль, отошла на второй план. Однако для широкой публики главным источником получения секретных сведений оставались неприятельские агенты-шпионы, которые будто бы проникли во все штабы, министерства, газеты, концерны и т. п. На волне патриотического воодушевления нагнеталась шпиономания. Для ее удовлетворения требовались пойманные вражеские шпионы. А вот с этим как раз была проблема. Радиопередатчики, особенно способные передавать сигнал на большие расстояния, за линию фронта, в то время были большой редкостью. Поэтому не было возможности оснащать ими агентуру, оставшуюся во враждебных государствах. В связи с разрывом дипломатических отношений отпал также канал связи через посольства. Оставался только канал связи через нейтральные государства. Однако все воюющие страны резко ужесточили кон-

троль на границах с нейтралами, подвергая тщательной проверке как всех своих граждан, так и иностранцев. Кроме того, перлюстрировалась вся зарубежная корреспонденция. Поэтому агентам лишь эпизодически удавалось передать информацию по назначению, а в таком виде, не обеспечивая сплошного потока, она во многом теряла смысл. Ведь одно сообщение, даже из очень важного штаба, сохраняло свою ценность лишь очень ограниченное время. А в долгосрочной перспективе, не подкрепленное другими сообщениями, оно легко могло дезориентировать получателя. Вследствие этих вполне объективных причин активность агентурной разведки в годы Первой мировой войны резко сократилась. Но, соответственно, резко сократилась и возможность поймать с поличным неприятельских шпионов. Однако, если шпиона нельзя поймать, его можно выдумать. По такому пути пошли многие контрразведчики. Им ведь необходимо было доказать и начальству, и общественности, что они здесь, в тылу, не даром едят свой хлеб. И одной из жертв подобной тактики контрразведки и стала Мата Хари.

В этой книге мы расскажем о ее судьбе и попробуем ответить на вопрос, чьей шпионкой она была (если была) и была ли виновна в тех преступлениях, за которые ее казнили. Мы также расскажем о некоторых посвященных Мате Хари фильмах (всего их насчитывается более трех десятков) и в особенности о новейшем отечественном телесериале «Мата Хари».

Юность

Настоящее имя Маты Хари – Маргарета Гертруда Зелле. Она родилась в Леувардене, в Нидерландах, 7 августа 1876 года и была вторым из четырех детей Адама Зелле (1840–1910) и Антье ван дер Мелен (1842–1891). Ее отец в то время был преуспевающим бизнесменом. Военный комендант Парижа Эмиль Массар утверждал, будто Мата Хари «была по происхождению еврейкой, перешедшей в протестантизм». Однако никаких документальных подтверждений этого нет, а фамилии Зелле и Мелен не являются специфически еврейскими, а вполне голландскими. Скорее всего, версия Массара – всего лишь дань чрезвычайно распространенному во Франции эпохи Первой мировой войны антисемитизму. Отец Маргареты владел шляпным магазином на Калдерсе, одной из главных улиц Леувардена, и имел акции нефтяных компаний. 1 января 1883 года, когда Маргарете было шесть лет, он смог купить себе дом на улице Грооте Керкстраат, 28, – старый патрицианский дом, один из самых красивых в городе. Младшим братьям Маргареты – близнецам Арии Анне и Корнелиусу Кунраду – было тогда около года. Был еще третий брат – Йоханнес Хендерикус. Когда Маргарете исполнилось шесть лет, отец подарил ей дорогую четырехместную тележку, запряженную двумя роскошно украшенными козами. Эта игрушка ей очень понравилась. Любовь к роскоши она сохранила на всю жизнь. До тринадцати лет Марго посещала элитную частную школу мисс Бейс на площади Хофплейн, напротив ратуши. Там она хорошо освоила французский. Затем Маргарета продолжила изучение языков в средней школе для девочек на улице Грооте Хаутстраат, где овладела немецким и английским. В школу Маргарета порой ходила в чересчур смелых платьях. Однажды летом она пришла в платье в красно-желтую полоску. Как вспоминала ее подруга Ибелтье Керкхоф-Хоогслаг, «тогда носить такие платья в школу было для девочек просто невозможно».

Но в 1889 году отец почти обанкротился и развелся с женой, которая вскоре умерла. Адам покинул Леуварден и отправился в Гаагу. Жена с детьми переселились в гораздо более скромную квартиру на набережной Виллемскаде. Не добившись успеха в Гааге, Адам 31 мая 1890 года вернулся к семье. А 4 сентября 1890 года супруги официально развелись. 10 мая 1891 года Антье умерла. Еще в марте этого года Адам переехал в Амстердам. Маргарета оставалась в Леувардене до ноября, а затем Адам отправил дочь к ее крестному Фиссеру в Снек, маленький городок неподалеку от Леувардена. А Йоханнес Хендерикус переехал в Франекер, где проживала семья матери. Потом Маргарета училась в Лейдене, собираясь стать воспитательницей в детском саду. Ибелтье Керкхоф-Хоогслаг так впоследствии прокомментировала эту идею: «Трудно себе представить более неправильное решение. Для этой профессии Маргарета никак не подходила. Такая профессия хороша для девочек „материнского типа“. Маргарета же была независимой личностью». Однако в Лейдене в нее влюбился учитель той же школы Вюбрандус Хаанстра. Он стал слишком назойливо за ней ухаживать, и крестный поспешил забрать ее из училища от греха подальше. Но уже через несколько месяцев Маргарета сбежала от крестного к своему дяде Таконису в Гаагу. По другой версии, родные сами отослали Маргарету к дяде в Гаагу, от греха подальше. В дальнейшем Маргарета распускала разнообразные слухи о своем происхождении – о том, что она дочь яванского принца или что ее мать – баронесса.

Уже 11 июля 1895 года, восемнадцати лет от роду, в Амстердаме Маргарета вышла замуж по объявлению за тридцативосьмилетнего голландского капитана Рудольфа Джона Маклеода (1856–1928). Объявление гласило: «Офицер из Голландской Восточной Индии, находящийся сейчас в отпуске дома, хочет познакомиться с милой девушкой с целью последующего супружества». Третья супруга Маклеода утверждала, что письма приходили в основном от девушек с большим приданым (другое дело, насколько информация в письмах

соответствовала действительности). Третья жена впоследствии сетовала: «Ему следовало бы жениться на деньгах. Но вместо этого он взял не ту...» Немаловажную роль сыграло то, что Маргарета приложила к письму свою фотографию. Между ними завязалась переписка. Когда пришла пора назначать свидание влюбленным, жившим в разных городах (Рудольф – в Амстердаме, Маргарета – в Гааге), друг Рудольфа Де Балбиан Ферстер предложил в качестве удобного места встречи амстердамский Государственный музей. Но Маклеода сразил приступ ревматизма, и свидание пришлось отложить.

Отцом Рудольфа был отставной капитан голландской пехоты Джон ван Бринен-Маклеод. Он женился на баронессе Дине Луизе Свеертс де Ландас. 14 августа 1894 года Рудольф вернулся в Голландию в двухлетний отпуск по болезни. Рудольф был ростом 180 см, рано облысевшим, с круглым лицом и длинными закрученными усами. Его третья жена Гритье Мейерс-Маклеод, сменившая Маргарету 3 октября 1917 года, всего за двенадцать дней до ее казни, характеризовала его как «жесткого несентиментального человека, всегда называвшего вещи своими именами, неотесанного, но честного солдата с золотым сердцем». За семнадцать лет службы в Голландской Индии он заработал сахарный диабет и ревматизм. Маклеод происходил из старинного шотландского рода. В начале XVIII века один из его предков перебрался в Голландию, где, как и большинство шотландцев того времени, искавших заработка на континенте, поступил на военную службу.

Маргарета и Рудольф впервые встретились в музее в Амстердаме 7 мая 1895 года, а уже через шесть дней обручились. Переписка продолжалась. Вот одно из писем Маргареты Рудольфу Джону: «Мой дорогой Джонни, – писала она однажды в среду вечером в 1895 году. – О, дорогой, мне так жаль тебя, и я так печальна, что наши планы снова сорвались. Все плохое происходит одновременно, не кажется ли тебе? Не огорчайся, дорогой. Надеюсь, что ты забудешь все твои болезни, как только я приеду навестить тебя в воскресенье.

Неужели тебе было так больно, что ты даже не мог писать сам? Я думаю, что да, иначе ты бы это сделал. Ты думаешь, что в воскресенье уже сможешь ходить? Я очень на это надеюсь, мое сокровище, но только не перенапрягайся. Да, сначала мне было очень грустно, но потом я посмотрела на все это с другой, положительной стороны, потому что если я тут и чувствую себя плохо, то чем это тебе поможет?

Луиза писала мне: „Я надеюсь, что вы оба очень заинтересованы, чтобы через пару недель в ратуше все засияло ярким солнечным светом“. Ну, я тоже на это надеюсь. А ты, Джон? Будь храбрым и послушным, и это поможет тебе. Твоя маленькая жена всегда придерживается этого. Если я этого не делала бы, моя радость жизни давно бы меня покинула. Ты меня ждешь в воскресенье?

Если только это будет возможно, пиши мне и дай знать, как у тебя дела. Подари мне твой любимый поцелуй и представь себе, что я с тобой. Именно об этом я все время мечтаю.

Вот так, Джонни, теперь я с тобой прощаюсь с самым сердечным поцелуем от твоей очень любящей тебя жены – Греты».

11 июля 1895 года, через три месяца после их первой встречи, Маргарета Гертруда Зелле и Рудольф Маклеод стали мужем и женой. Рудольфу для вступления в брак требовалось официальное благословение дяди, старого отставного генерала. К счастью, дядюшка Норман выбор племянника одобрил: «Хоть и молода, но выглядит хорошо. Чертовски хорошо!».

Маргарета уверяла Рудольфа, что она сирота. Но перед свадьбой пришлось рассказать правду о том, что у нее есть отец. Ведь как несовершеннолетняя она не могла выходить замуж без его согласия. Адам в это время проживал со своей второй женой в одном из бедных районов Амстердама, на улице Ланге Лейдсхедварсстраат, 148. Он потребовал, чтобы будущие новобрачные приехали к нему в большой карете, а не просто в экипаже. Карета с прекрасными лошадьми была сенсацией для маленькой улицы. Адам Зелле дал свое роди-

тельское благословение. Его тут же пригласили на следующий день в ратушу, где его присутствие было необходимо по закону. Сестра Фрида тщетно пыталась отговорить Рудольфа Джона от этого брака. Свадебный ужин устроили в их любимом «Кафе Америкэн». А в свадебное путешествие молодожены отправились в Висбаден. Там Рудольфу не понравилось, что молодые люди уделяли повышенное внимание его юной супруге.

Он воспользовался гостеприимством сестры и жил с женой на набережной Лейдсхекаде, 79. Однако напряженные отношения Фриды и Маргареты вынудили супругов переехать. Не все было безоблачно в этом браке. Как вспоминала одна знакомая Рудольфа, Маргарета казалась «молодой женщиной с лучшими намерениями, очень страдавшей от наплевательского отношения и грубых манер ее мужа, проявившихся сразу после возвращения из свадебного путешествия». Позднее, уже в браке с Гритье Мейер, Рудольф значительно изменился в лучшую сторону, но перед Маргаретой предстал грубым неотесанным колониальным офицером. К тому же он был изрядный ходок, да и Маргарета в дальнейшем не отличалась супружеской верностью.

В марте и в сентябре 1896 года отпуск Маклеода продлевали на шесть месяцев по состоянию здоровья и из-за беременности его жены. 30 января 1897 года Маргарета родила сына. Ему дали имя Норман Джон, в честь дедушки по отцовской линии Джона ван Дринена Маклеода и знаменитого дядюшки отставного генерала Нормана.

Наконец, 1 мая 1897 года семейство на корабле «Принцесса Амалия» отплыло в Голландскую Восточную Индию. Они перебрались на Яву, но брак не был счастливым. Магия тропиков возбуждала юную и прекрасную Маргарету. Маклеоды сначала жили в Амбараве, деревеньке к югу от Семаранга, в центре Явы. Потом Джона перевели в Тумпунг, вблизи Маланга, на восточном побережье. Маланг был городом, где проживало много европейцев, и здесь можно было поразвлечься. Около года семья прожила в Тумпунге. 2 мая 1898 года у них родилась девочка, которую назвали Жанна-Луиза, а в семье звали просто Нон. 21 декабря 1898 года Рудольф получил приказ о переводе в Медан на южном побережье Суматры, на берегу Малаккского пролива. Маклеод должен был немедленно прибыть к новому месту службы, а семья последовала за ним некоторое время спустя. В результате Маргарета смогла немного передохнуть от ежедневных споров.

Однажды утром Рудольф прискакал к дому командира гарнизона ван Рееде и, не слезая с коня, сообщил, что он должен немедленно выехать к новому месту службы. И поставил полковника перед фактом: «Моя жена и дети через пару часов переедут к вам, чтобы немного пожить у вас, пока я подготовлю все для их переезда ко мне в Медан. Вы же не будете против, не так ли?». Маргарета и дети временно устроились в доме семьи ван Рееде. Рудольф Джон долго не высылал денег, но письма жене писал регулярно. Так, 28 марта он подробно описал город Медан. Маргарета, как все местные голландки, оделась в саронг и кабию – индонезийские юбку и блузку. Мадам Рееде она запомнилась как интеллигентная и милая женщина. «Возможно, она была чуть-чуть фривольной, – вспоминала она, – но для такой молодой женщины в этом не было ничего необычного».

Джон постоянно жаловался на финансовые трудности. В письме жене от 24 апреля 1899 года он сетовал: «Что еще меня волнует, так это то, что у нас никогда не было удачи в денежных делах. Как часто эта постоянная нехватка средств заставляла нас совершать неприятные поступки». И тут же проявляет признаки ревности, возможно, небезосновательной: «Кто такой этот флотский лейтенант, о котором ты пишешь, что он фотографировал наших детей? И как получилось так, что это произошло в Тумпунге? Ты, Грит, никогда не объясняешь мне таких вещей. Ты же можешь подумать, что я тоже задумаюсь, прочитав что-то подобное. Итак – кто он такой? И как он попал в Тумпунг? Это странно – ты так легко перепрыгнула от матросского костюмчика Яна Пика и нашей нежной Флейт (так супруги в шутку называли своих детей. – Б. С.) к этому лейтенанту, а потом не пишешь о нем ни

одного слова! Пик очень любит свою младшую сестру? Это постоянное желание поцелуев он, несомненно, перенял от тебя!.. Да, Грит, пожалуйста, постарайся понять: когда я свирепствую и ругаюсь, это происходит прежде всего потому, что я забочусь о детях. Потому не забывай – наши характеры совершенно разные!».

Что ж, по субботам на клубных вечерах Маргарета действительно знакомилась с голландскими офицерами, многие из которых были молоды и привлекательны. Когда Джон собрал достаточно денег для переезда семьи, 14 мая 1899 года он дал жене последние инструкции: «Я очень рад твоему письму от 25 апреля, где ты пишешь о болезни детей. Здесь для тебя, Грит, будет очень много работы, потому что в этих домах просто опасно жить, если не соблюдать абсолютной чистоты. Если не мыть постоянно пол, не сдвигать горшки с цветами и не смолить крышу, тут заведется множество насекомых. Вчерашней ночью я увидел скорпиона, самого большого из когда-либо виденных. Хотя его укус редко бывает смертельным, но он вызывает жар и особенно опасен для детей. Потому ты лично будешь проверять все помещения, чистить кровати детей и проверять ящики с цветами. Я рад, что прочел в твоём письме, насколько серьезно ты воспринимаешь свою ответственность за детей и как сильно ты их любишь».

В Медане Маклеод был произведен в майоры и возглавил гарнизон. В этом качестве ему полагалось давать официальные приемы. Эти приемы Маргарета очень любила, так как чувствовала себя объектом всеобщего внимания. Рудольфу приходилось заказывать ей платья из Амстердама. Маргарета давала все больше поводов для ревности. А тут еще в семье случилась трагедия.

27 июня 1899 года в возрасте двух с половиной лет умер их сын Норман. Дети были отравлены. Лишь благодаря усилиям доктора-голландца девочка, Нон, выжила. Но в результате из-за последствий Жанна-Луиза прожила немного – всего двадцать один год, хотя и пережила мать, поскольку умерла в 1919 году. В смерти Нормана обвинили местную прислугу, которая будто бы отравила малыша в отместку за то, что Рудольф наказал ее мужа за какую-то провинность. Впрочем, тут существуют две версии. По одной из них, Маклеод ударил солдата-аборигена, который был то ли мужем, то ли любовником няньки, ухаживающей за детьми. Та из мести отравила детей четы Маклеодов. Служанка отравила пищу детей. Мальчик умер в мучениях, но девочка выжила, хотя отравление и подорвало ее здоровье. Согласно же другой версии, которую исследователи считают гораздо менее вероятной, Рудольф Джон был любовником этой няньки, а детей отравил из ревности ее любовник-индонезиец.

Некоторое время казалось, что смерть мальчика вернет любовь супругов друг к другу. Но и на этот раз семейная идиллия продлилась недолго. Рудольф очень любил сына, чья смерть стала для него тяжелейшим потрясением. Рудольф винил в смерти сына свою жену. Отношения между супругами стали хуже некуда. К тому времени Маклеода перевели назад на Яву. В том, что его убрали из Медана, майор обвинял своего начальника, генерала Диеса. Маклеод полагал, что генерал воспрепятствовал его производству в подполковники.

Маклеоды переехали в Банджу Биру. Маргарета теперь настаивала на разводе. Но в колонии он был сопряжен с большими трудностями. В середине марта 1900 года Маргарета заболела тифом. Надо сказать, что и сам Рудольф был отнюдь не подарок. Будучи алкоголиком, он к тому же иной раз поколачивал молодую супругу и имел любовниц. Впрочем, Маргарета тоже не отличалась супружеской верностью и одно время жила с другим голландским офицером, но потом вернулась к мужу. В письме к подруге она жаловалась: «Мой муж отказывает мне в каких бы то ни было нарядах, потому что боится, что я буду слишком красива. Это невыносимо! Тем временем за мной волочатся влюбленные молодые лейтенанты. Мне очень трудно вести себя так, чтобы у мужа не возникало повода для упреков».

В конце мая 1900 года, когда Маргарета лежала в тифозном бреду, Джон написал своему двоюродному брату в Гаагу письмо на 24 страницах. Подробно описав политическую и военную ситуацию в Восточной Индии, он рассказал и о семейной жизни: «Два с половиной месяца назад Грит заболела тифом. Ее положение становилось все хуже. Забота о маленькой девочке легла на меня. Наше положение было полным убожеством. Десять дней назад Грит наконец-то смогла встать на ноги. Теперь для восстановления здоровья она уехала на кофейную плантацию Крувук, близ Улинги. Достаточно сказать тебе, что нам в день нужно пять бутылок молока, а каждая стоит 30 центов, и ты поймешь, какие тяжелые последствия для наших финансов имела ее болезнь... А потом еще путешествие в Улинги. Малышку я оставил здесь, у себя. Она чудный ребенок, но она постоянно напоминает мне о моем мертвом любимом сыне.

Дорогой кузен, потеря этого прекрасного маленького мальчика сломала что-то во мне, что навсегда останется сломанным. Он любил военную музыку, особенно „Марш Монте-Карло“. И теперь каждый раз, когда его играют, я чувствую боль в моей груди, а мои глаза горят».

Будучи произведенным в майоры еще в 1897 году и потеряв надежду на производство в следующий чин, Маклеод решил выйти в отставку, что и произошло 2 октября 1900 года. За двадцать восемь лет беспорочной службы ему полагалась пенсия в 2800 гульденов. Супруги переехали в Синданглаю, городок между Бейтензоргом (нынешним Богором) и Бандунгом. Там был здоровый горный климат, а цены были низкие. Жить здесь было дешевле, чем в Голландии, но Маргарета стремилась в Амстердам. Ее не привлекала перспектива прозябать в богом забытой индонезийской деревне.

Отношения между супругами дошли до точки кипения. Ни дня не проходило без ссор. Доктор Рулфсема, который с марта 1900-го по июнь 1902 года был военным врачом в той местности, где жили Маклеоды, описал одну из ссор, которую наблюдал в их доме. Маргарета вновь завела речь об Амстердаме и вообще о Европе. Ей очень хотелось в Париж. Маклеод разнервничался и рыкнул на жену: «Черт побери! Если тебе так хочется уехать в Париж, то почему же ты ничего для этого не делаешь, не уедешь и не оставишь меня одного?». Позднее Маргарета так объясняла, почему выбрала именно Париж: «Я думаю, что все много пережившие женщины направляются в Париж».

В марте 1902 года майор наконец поддался уговорам жены, и семья вернулась в Голландию. Они путешествовали на грузовом пароходе, так как Джону приходилось все сильнее экономить. Он снова переехал к своей сестре, тетушке Лавис, которую Маргарета не выносила. Поэтому Маклеодам вскоре пришлось снять себе жилье в Амстердаме, на улице ван Бреестраат, 198, в достаточно зажиточном районе. Но однажды вечером Джон внезапно переехал к другу в Фельп близ Арнема, захватив с собой дочь. Маргарета тотчас отправилась следом. Она поселилась в доме одного из многочисленных кузенов Джона. 27 августа 1902 года Маргарета подала официальное прошение о временном расторжении брака, когда супруги живут раздельно, но юридически остаются мужем и женой. Через три дня суд города Амстердам удовлетворил ее просьбу, несколько не ограничив ее в правах. Дочь осталась с матерью, и Маклеод должен был выплачивать ей сто гульденов в месяц в качестве алиментов. Но когда 10 сентября настал срок первого платежа, Рудольф вдруг заявил, что денег у него нет. И так ничего и не заплатил бывшей жене и дочери.

Маргарета недолго оставалась в Амстердаме, а потом переехала к своему дяде Таконису в Гаагу. Но в Голландии ей трудно было найти работу. А дочку пришлось на время отправить к отцу. И тот уже никогда не вернул ее матери. Но надо признать, что Рудольф Джон был заботливым отцом и предпочитал сам воспитывать дочь, а не платить алименты бывшей жене. Он даже поместил в газете специальное объявление, что не будет платить

по долгам жены. И Маргарета решила податься в Париж, тогдашнюю культурную столицу Европы, а то и всего мира, и там попытать счастья.

Путь на сцену

В Париж наша героиня приехала без единого су и попыталась зарабатывать на жизнь натурщицей. Несколько лет спустя, уже будучи известной актрисой, на вопрос корреспондента, почему она оказалась именно в Париже, она ответила: «Не знаю, но я думаю, что всех жен, сбежавших от мужей, тянет в Париж». Натурщиц в Париже был переизбыток, и платили им мало. К тому же Маргарета потерпела неудачу из-за слишком маленькой груди. Разочарованная, она вернулась в Голландию. Неделю она прожила у дяди своего мужа в Нимвегене, но Рудольф Джон тут же выразил возмущение по этому поводу. И дядя попросил Маргарету убраться подобру-поздорову. И тогда она решила вновь отправиться в Париж. Как она сама говорила репортерам год спустя, «у меня в кошельке было полфранка, и я сразу пошла в Гранд-Отель». Еще она утверждала, что «не было никого, кто бы мне помог». Выбор Маргареты пал на театр «Фоли Бержер», где всегда требовались красивые танцовщицы. Она еще никогда в жизни не танцевала на сцене, но решила попробовать. На Яве она изучала индонезийские традиции и танцевала в местной танцевальной группе. В 1897 году в одном из писем она впервые упомянула свой артистический псевдоним – Мата Хари, который по-малайски означает «солнце» (дословно – «глаз дня»).

Тут на ее пути оказался Молье, владелец знаменитой школы верховой езды на Рю Бенувилль и знаменитого цирка, который носил его имя. Он и сам был прекрасным наездником. Сначала Маргарета выступала как цирковая наездница под псевдонимом «леди Греша Маклеод». Хорошо ездить верхом она научилась еще в Голландской Восточной Индии. Молье был уверен, что такое тело, как у нее, в танцах использовать куда плодотворнее, чем в выездке. Но в тот момент танцевальный опыт Маргареты исчерпывался вальсами и кадрилиями, которые она танцевала в восточно-индийских клубах, и уроками танцев в детстве, в родном Леувардене. В годы Первой мировой войны Маргарета говорила одному из своих друзей в Гааге, голландскому художнику Питу ван дер Хему: «Я никогда не умела хорошо танцевать. Люди приходили посмотреть на мои выступления только потому, что я осмелилась показать себя на публике без одежды». К тому времени она уже вполне оценила страшную силу своей красоты. И хорошо знала, как нравиться мужчинам. Она довольно хорошо говорила на малайском языке и видела на Яве и Суматре туземные танцы. И, разумеется, Маргарета никогда не изучала никаких танцев в буддийских храмах на Дальнем Востоке. Она распространяла эту легенду для привлечения публики. И в Париже был спрос на такое искусство, где важнее было тело танцовщицы, а не ее владение техникой танца.

Но только в 1905 году она нашла свой стиль, который принес ей славу. Директор цирка посоветовал ей воспользоваться своей красотой и попытать счастья в роли исполнительницы восточных танцев. Под псевдонимом Мата Хари она стала выступать как восточная танцовщица. Маргарета хорошо знала как малайский язык, так и танцы, которым обучилась в период пребывания в Голландской Восточной Индии. Дебют в новом амплу состоялся в конце января 1905 года на благотворительном вечере в салоне русской певицы Лидии Киреевской и имел колоссальный успех. Некоторые ее танцы представляли собой нечто близкое к современному стриптизу. В конце номера, исполнявшегося на сцене, усыпанной лепестками роз, танцовщица оставалась полностью обнаженной, утверждая, что «так было угодно Шиве». Уже 4 февраля 1905 года английский еженедельник «Кинг» опубликовал о ней восторженную статью, автор которой утверждал, что «собрал слухи о женщине с Дальнего Востока, приехавшей в драгоценностях и духах в Европу, чтобы внести струю богатства в восточных красок и восточной жизни в пресыщенное общество европейских городов». Те же слухи сообщали о сценических представлениях, на которых «покрывала поднимаются и

падают». Репортер считал, что представление вроде этого в частном салоне было в самом крайнем случае «лишь с дымкой непристойности».

После ряда представлений в других парижских салонах Маргарета в начале февраля танцевала на 45-м празднике «Dineur de Faveur» (Общества благотворительных обедов). Тогда она еще именовалась леди Маклеод. Мата Хари появилась чуть позже.

Сущность «танца рождения зари» заключалась в том, что баядерка во время танца постепенно раздевалась, оказываясь под конец совершенно голой, – так, по ее сведениям, было угодно Шиве. Мата Хари танцевала при свечах, на полу, засыпанном лепестками роз. Успех был необычайный. Весь Париж заговорил о восточной танцовщице, и она мгновенно вошла в моду. Дочь голландского лавочника оказалась «воплощением таинственного Востока». Один из восторженных рецензентов писал: «Ей известны все добродетели Вишну, все дела Шивы, все свойства Брахмы. С колдовскими чарами баядерки она сочетает богословскую эрудицию брахмана!».

Сама Мата Хари настаивала, что еще с детства знает «священные танцы Востока». Она потчевала доверчивую публику баснями о том, будто она – восточная принцесса (вариант – дочь короля Эдуарда VII и индийской княжны), что у нее есть конь, который позволяет ездить на себе только своей хозяйке, что она воспитывалась на Востоке в монастыре и др. Газета «Курьер франсэ» писала, что, даже оставаясь неподвижной, она околдовывает зрителя, а уж когда танцует, ее чары действуют магически. И она же отмечала, что «эта неизвестная танцовщица из далеких стран – необычная личность. Когда она не движется, она завораживает, а когда танцует – ее обволакивает еще большая таинственность».

На представлении у Киреевской новой танцовщицей всерьез заинтересовался крупный бизнесмен и меценат Эмиль Гиме. Он был также коллекционером и считался экспертом по восточным делам. Он построил музей восточного искусства на площади Иены в Париже, чтобы разместить там свою огромную коллекцию живописи и скульптуры, и решил пригласить своих друзей на настоящий восточный танец. Гиме-то и побудил Маргарету взять псевдоним Мата Хари. Правда, он по наивности думал, что он происходит из языков Индии, а не из малайского языка.

Это была, признаем, по тем временам экстравагантная идея: выступление «яванской танцовщицы» среди экспозиции музея. Мата Хари появилась перед зрителями в роскошном восточном одеянии, взятом из коллекции месье Гиме, но во время танца постепенно сбросила с себя одежду, оставив лишь нитки жемчуга и сверкающие браслеты. На представлении присутствовал весь парижский высший свет. Успех был необычайный, и вскоре слава Маты Хари вышла далеко за пределы Франции.

13 марта 1905 года стал поворотным днем в артистической карьере Маргареты Маклеод. До приезда в Париж она лишь однажды выступала на сцене. В клубном спектакле в Маланге на Яве в 1899 году она сыграла королеву в музыкальной постановке пьесы «Крестonosцы». И тогда в местной газете отмечали, что «зрителям было трудно не восхититься этой элегантной актрисой-любительницей». Теперь же она покорила Париж.

Второй этаж круглого здания музея, где находилась библиотека, был превращен в индийский храм. Восемь колонн были украшены цветами. С каждой колонны на обнаженную Мата Хари смотрели статуи с неприкрытыми бюстами. Свет свечей создавал мистическую атмосферу. Одна из самых дорогих статуй из коллекции Гиме – четырехрукий Шива из Южной Индии XI века, высотой около метра, – была окружена кольцом из горящих свечей и окутана живописным светом, создаваемым лучами прожекторов, установленных на потолке. Гостей было немного, так как зал библиотеки был диаметров всего в 7,5–9 метров. Публика могла видеть восточную танцовщицу достаточно хорошо с любого направления. В перерывах невидимый оркестр играл музыку, навеянную мелодиями Индии и Явы.

Мата Хари была одета в костюм из коллекции. Ее окружали четыре девушки в черных тогах. А на Мате Хари был белый хлопковый бюстгальтер с орнаментом на груди, вызывающим ассоциации с Индией. Ее руки украшали браслеты. На голове была индийская диадема, охватывающая завязанные в косы черные волосы. Блестящие ленты охватывали талию и придерживали саронг, который скрывал тело ниже пупка и спускался чуть ниже середины бедер. Все остальное тело оставалось открытым.

Газетные рецензенты восхваляли «женщину с Востока» и восхищались как ее знанием священных танцев, так и совершенством их исполнения. Все письма, все похвалы критиков, все свои фотографии артистка аккуратно клеивала в альбомы. Записи делали «звезды» тогдашнего парижского высшего света.

Вот как описывает ее первое выступление в парижском салоне ее биограф, британская журналистка Джулия Уилрайт: «Открылась дверь, и в нее скользнула высокая женщина с темными глазами. Она неподвижно застыла перед статуей бога Шивы. Руки ее были сложены на груди, скрываемой гирляндами цветов. Голову украшал подлинный восточный головной убор. Она была закутана в несколько покрывал различных цветов, символизирующих „красоту, любовь, целомудрие, чувственность и страстность“. Зазвучала незнакомая мелодия, и танцовщица двинулась в сторону Шивы, затем прочь от него, призывая злой дух к мести. Потом, когда она повернулась к богу спиной, выражение ее лица смягчилось. В неистовстве принялась она разбрасывать цветы и лихорадочно срывать с бедер прозрачные покрывала. Затем, расстегнув пояс, она распласталась перед алтарем».

Проблема была в том, что парижские суды строго запрещали танцы в обнаженном виде. И появление, например, обнаженной Сары Браун вызвало целый скандал. Но почему-то все это не коснулось Маты Хари. Она прикрывалась восточной легендой, причем легенда менялась от случая к случаю. То говорилось о выросшей на Яве дочери европейских родителей, что было ближе всего к истине, то доверчивой публике преподносился рассказ о дочери храмовой танцовщицы из Южной Индии, что было уже чистой фантастикой. Зато туземцам вроде как обнажаться позволялось, даже на публике, поскольку нагота считалась их естественным состоянием.

Вместе с признанием к Маргарете пришли деньги и роскошь. У нее появилось множество поклонников и богатых любовников. Один из них посвятил ей такое стихотворение:

Шиве

Когда она перед твоим алтарем сбросила покровы
и склонила пред тобой манящее обнаженное тело,
Шива, великий бог, неужели в тебе не пылает
непреодолимое желание, пробуждаемое ее красотой?
Не спешишь ли ты прижать свой рот к ее цветущим губам?
Не томит ли тебя желание обнять ее полное страсти тело,
Чтобы насладиться любовью?

Мата Хари имела многочисленных любовников среди высокопоставленных военных, политиков и других влиятельных лиц, в том числе французских и германских. При всем при том Мата Хари не была простой танцовщицей варьете и знала, как себя вести в приличном обществе. «Ля ви паризьен» («Парижская жизнь»), еще называя Маргарету «леди Маклеод, она же Мата Хари, индийская танцовщица», писала: «Полная желаний и трагичная, она выступает совсем обнаженной в самых знаменитых салонах нашего города. На ней костюм баядерки. Он открывает ее тело, как только это возможно. В завершение своих танцев она сбрасывает даже малые остатки этого костюма».

Маргарета кокетливо утверждала: «Я никогда не умела танцевать. А если люди и приходили на мои выступления, то этим я обязана только тому, что первой отважилась предстать перед ними без одежды». Того же мнения был и ее бывший супруг: «У нее плоскостопие, и она абсолютно не умеет танцевать». А известная французская писательница Сидони-Габриэль Колетт с нескрываемой иронией отмечала на страницах газеты «Фигаро», что Мата Хари едва танцует, но умеет замечательно раздеваться.

Марк Алданов так охарактеризовал ее искусство: «Новая артистка покажет в танцах подлинное богослужение азиатских племен: „танец малайской баядерки пред Шивой, богом любви и смерти“».

Танец «малайской баядерки» был каким-то вариантом танца Саломеи, который тоже соблазнил достаточное количество талантливых артисток и балерин. Весь арсенал дешевой поэзии был налицо – уж если не пощадили и «Шиву, бога любви и смерти»! Не хватало только подходящего имени для танцовщицы. Сначала назвали ее «леди Греша Маклеод». Она не была ни леди, ни Греша, но это звучало недурно: в имени Греша было, бесспорно, что-то русское или яванское, одним словом, восток, черт там разберет! Потом, однако, выяснилось, что жрице Шивы, бога любви и смерти, неудобно называться «леди Греша». И тут явилась новая счастливая мысль: «Мата Хари»!

Эти звучные слова по-малайски значат «рождающаяся заря» или что-то в этом роде. Сущность рождения зари заключалась в том, что баядерка во время танца постепенно раздевалась, оказываясь под конец совершенно голой, – так, по ее сведениям, было угодно Шиве. Священный малайский танец был впервые исполнен в круглой зале библиотеки музея Гиме 13 декабря 1905 года. Зала была превращена в «храм Шивы». Мата Хари танцевала при свечах, на полу, засыпанном лепестками роз. Успех был необычайный. На следующий день весь Париж заговорил о восточной танцовщице. «Обнаженная танцовщица» мгновенно вошла в моду. Дочь голландского лавочника оказалась «воплощением таинственного Востока». Один из восторженных рецензентов писал: «Ей известны все добродетели Вишну, все дела Шивы, все свойства Брахмы. С колдовскими чарами баядерки она сочетает богословскую эрудицию брахмана!».

А вот газета «Ля пресс» уже 18 марта 1905 года написала: «Мата Хари воздействует на вас не только движениями своих ног, рук, глаз, губ. Не стесненная одеждой, Мата Хари воздействует игрой своего тела». Здесь же сообщалось, что она танцевала «с покрывалами и в украшенном драгоценностями бюстгальтере – и это, в общем, все». Стройная госпожа Маклеод, утверждал рецензент, двигалась в наряде баядерки с несравненной грацией:

«Ява, где она выросла на земле вулканов, придала ей такую невероятную гибкость и магический шарм, а за оставшуюся часть ее достойного восхищения тела ей следует благодарить свою родную Голландию.

Никто до нее не рискнул предстать перед богом со всем своим клокочущим экстазом и без одежды. И с какими чудесными движениями! Смелыми и смиренными одновременно. Она настоящая Абсара, сестра нимф, наяд и валькирий, созданная Сундрой чтобы заманивать мужчин к греховной гибели.

Мата Хари впечатляет не только игрой ее ног, рук, глаз, рта и ярко-алых ногтей. Не стесненная одеждой, Мата Хари играет всем своим телом. Если боги не реагируют на ее предложение красоты и юности, она жертвует им свою любовь, свою невинность. Покрывала, символ женской чести, падают. Одно за другим жертвует она их богам. Но Шива требует большего. Девидаша приближается – еще одно покрывало, обнаженное ничто – выпрямление гордой, победоносной наготы. Она посвящает богу всю пылающую в ней страсть. Затем Мата Хари в элегантном вечернем платье присоединяется к гостям. В руках у нее яванская кукла „ваджонг“, и она рассказывает нам историю доисторической драмы Аджурны».

Ей вторил журнал «Ле Журнель»: «Мата Хари является олицетворением поэзии Индии, ее мистицизма, ее страстолюбия, ее томности, ее гипнотических чар...» А французский шоколадный магнат Гастон Меньер после выступления танцовщицы в его салоне писал ей: «Вы – воплощение истинной древней красоты... ваш прекрасный облик подобен восточной мечте».

Парижане приняли Мата Хари так горячо, потому что она принесла им нечто новое. Особенно возбуждало то, что она так невинно скрывала под вуалью лицо, когда с ее тела спадало последнее покрывало.

Только в 1905 году Мата Хари тридцать раз выступила в самых роскошных салонах Парижа, в том числе три раза в особняке барона Ротшильда, за весьма солидные гонорары. Она также шесть раз выступала в театре «Трокадеро», где для этого создали такую же атмосферу, как и в Музее Гиме. Трижды танцевала она в салоне барона Анри де Ротшильда. Ее ввели в дом Сесиль Сорель, знаменитой актрисы театра «Комеди Франсез». А в «Гран Серкль» Мата Хари удостоилась чести выступать в одной программе с известной певицей-сопрано Линой Кавальери.

Сесиль Сорель, в дальнейшем вышедшая замуж за графа де Сегюра, была восхищена Матой Хари. Среди ее поклонников был месье Гастон Менье, французский «шоколадный король». После представления 14 мая Сесиль Сорель послала Мате Хари письмо:

«Мадмуазель, ваши прекрасные танцы глубоко поразили моих гостей. Месье Менье выразил желание восхититься вами еще раз в его собственном доме в пятницу. Возможно ли это? Там вы будете выступать в обстановке, достойной вашего великого искусства: большая закрытая веранда, наполненная редчайшими растениями и цветами. Пожалуйста, напишите ваш ответ самому месье Менье или, если вам так удобнее, мне.
С глубоким уважением С. Сорель».

Мата Хари согласилась 19 мая танцевать у Менье. «Шоколадный король» сделал несколько фривольных фотографий танцовщицы, причем на некоторых из них Мата Хари была полностью обнаженной. Несколько из них были вложены в письмо, которое Менье

прислал несколько лет спустя: «Дорогая мадам, я не забыл своего обещания прислать вам фотографии с того вечера, когда вы так чудесно танцевали. Я с минуты на минуту жду эти снимки. Для вас фотографии станут воспоминанием об одном из ваших танцевальных вечеров. Для меня и моих друзей они значат намного больше. Для нас они останутся воспоминанием об этом потрясающем культурном событии, на котором вы олицетворяли классическую красоту. Маленькие фотографии, которые я приложу к письму, лучше слов покажут то глубокое впечатление, которое оставило ваше появление у нас. Это была мечта о Востоке. Я считаю себя счастливым, что смог внести свой вклад в это событие предоставленным мною освещением и предметами культуры, которые – как меня заверили – так прекрасно гармонировали с формами вашего превосходного тела».

Также Мата Хари выступила в доме знаменитой французской певицы Эммы Кальве. «Эко де Пари» признавала: «В ее танцах нет ни танцевального совершенства, ни чего-либо еще примечательного... Мата Хари танцует голой. Но нельзя сказать, что Мата Хари неприлична или что взгляд на эту красивую индуску вызывает грязные мысли, – хотя она обнажена с головы до пят, с большими глазами и улыбающимся ртом, который на ее лице выглядит точно разрез в плоти спелого яблока».

В Париже, конечно же, были люди, возмущенные тем, что дама позволила себе публично обнажаться. Если, выступая в доме графини де Луан, она была одета «по минимуму» (а ее танец перед группой почтенных членов Французской Академии побудил «Журналь Амюзан» написать, что она танцует «голой, как речь академика»), то перед «Кружком артистов и литераторов» она выступала абсолютно голой, если не считать браслетов. Перед людьми искусства, по выражению рецензента, Мата Хари танцевала «голой, как Хасан в „Тысяче и одной ночи“, голой, как Ева перед грехопадением, с иллюзорным крошечным украшением в качестве фигового листка».

Французская писательница Габриэль Колетт вспоминала в парижской газете «Фигаро» в декабре 1922 года: «Я видела, как она танцевала у Эммы Кальве. Собственно, это не было танцем. Куда больше это было умение грациозными движениями сбрасывать с себя вуали. Представление она начала почти голой, танцевала „с намеками“, с полузакрытыми глазами и исчезала, укутанной в свои покрывала». Затем Колетт продолжала, рассказывая уже о другом выступлении: «И в одном из своих танцев она появилась на белом коне».

Парижский еженедельник «Ля Ви Паризьен» писал, сравнивая Мату Хари и знаменитую балерину Айседору Дункан, с которой они тогда были в одной категории славы: «Мисс Дункан олицетворяла Грецию. Под музыку Бетховена, Шумана, Глюка и Моцарта она пробудила языческие танцы античной классики к новой жизни. Парижские салоны боролись за выступления мисс Дункан. Но – как это часто бывает – она исчезла. Вместе с матерью и длинноволосым братом, который играл на скрипке, сопровождая ее выступления, мисс Дункан уехала покорять Берлин.

Теперь у нас есть Мата Хари. Она индуска, дочь английской матери и голландского отца, и вес это кажется несколько сложным. Тем не менее она индуска. Мисс Дункан во время танца демонстрировала лишь свои ноги и руки. А Мата Хари стоит на сцене совершенно голой. Только несколько украшений и кусок материи вокруг бедер и ног прикрывают ее. Она очаровывает – своим большим ртом и грудями, на которые некоторые благовоспитанные зрительницы взирают с неприкрытой завистью».

Однако большинство свидетелей утверждало, что Мата Хари никогда не демонстрировала свой бюст открыто. Только Эдуард Лепаж, описывая ее дебют в Музее Гиме, утверждал, что «она отбросила орнаменты, скрывающие ее грудь», и грудь была голой. Правда, тогда многие подозревали, что на ней был надет бюстгальтер телесного цвета. Тюремный врач Леон Бизар в 1925 году в своей книге «Воспоминания врача» свидетельствовал: «У Маты Хари была очень маленькая грудь с недоразвитыми сосками и с обесцветившейся кожей

вокруг них. Потому она совсем не была заинтересована демонстрировать ее». Так ли это – трудно сказать.

На благотворительном выступлении в театре «Трокадеро» ее интервьюировал Поль Эрвье для «Солдатских глаз». Для военных она придумала такую биографию, разумеется, ничего общего не имевшего с действительностью: «Я родилась в Индии и жила там, пока мне не исполнилось двенадцать лет. Мои детские воспоминания совершенно отчетливы. Я прекрасно помню даже самые маловажные случаи моих первых лет жизни в цивилизации, совершенно отличной от вашей. Мне было двенадцать, когда я попала в Висбаден. Там я вышла замуж. Вместе с мужем, голландским офицером, я вернулась на родину. Я стала женщиной. Но места моей молодости по-прежнему восхищают мой взор...

Должна ли я рассказать вам, как я вижу свое искусство? Оно очень простое. Собственно, это самая простая вещь в мире. Природа сама по себе проста. Только люди любят все усложнять. Не нужно усложнять вещи настолько, чтобы они казались смешными. Священные танцы брахманов – это символы. Их фигуры – это выражение мыслей. Сам танец – это стихотворение, а жесты – слова».

В интервью британской газете «Джентльвумэн» от 25 марта 1905 года Мата Хари утверждала, будто прибыла с Явы лишь месяц назад, а своего мужа для солидности произвела из майоров в полковники, о чем тот действительно мечтал на протяжении всей своей военной карьеры. А голландская «Ниус ван ден Даг» опубликовала следующую версию ее биографии: «Настоящее имя Маты Хари – госпожа Маклеод. Она родилась на Яве и была замужем за английским офицером. Так как она страстно любила танцы, то и изучала их с достойным восхищения терпением. Благодаря хитрости и уму – ведь это могло стоить ей жизни, если бы ее застали за этим, – ей удалось получить доступ к тайным храмам Индии, где вне досягаемости взглядов обычных смертных баядерки, научи и вадаши танцуют перед алтарем Вишну. У нее было природное, врожденное чувство поз и движений, потому даже самые фанатичные жрецы, охранявшие золотой алтарь, смотрели на нее как на священную танцовщицу».

Однако Франсуа де Нион, писавший для аргентинской газеты «Ла Пренса» (Буэнос-Айрес) и испанской «Диарио» (Кадис), усомнился в биографии и таланте Маты Хари и решил побеседовать с человеком, который много лет провел в Индии и которого он назвал «настоящим востоковедом». Анонимный специалист объяснил, что танцовщицы там никогда не выступают голыми, но всегда укутаны в белые покрывала. Тогда Нион публично задался вопросом: «Неужели мы все еще живем во времена Людовика XVI, который однажды устроил роскошный королевский прием одному иностранному послу, который, как выяснилось впоследствии, был простым лавочником из Марселя?».

Тем временем пожилой адвокат Эдуард Клюне, которому еще предстояло сыграть важную роль в жизни Маты Хари, порекомендовал ее знаменитому импресарию Парижа Габриэлю Астрюку. До самого конца тот оставался ее импресарио и агентом. Астрюк сделал ей ангажемент в театре «Олимпия» на бульваре Капуцинов. Поль Рюэ, директор театра, приглашал к себе только самых популярных артистов и хотел сделать «Олимпию» лучшим варьете в мире. Мате Хари за дебют заплатили огромный для того времени гонорар в десять тысяч франков.

Один из своих величайших триумфов она испытала в августе 1905 года в прославленном театре «Олимпия». 2 мая 1905 года ее отметил парижский выпуск «Нью-Йорк Геральд»: «Невозможно себе представить более благородную постановку индийской религиозной мистерии, чем это было сделано здесь».

Ее выступление в спектакле Райнана и Хаудена «Мечта» на музыку Джорджа Бинга в «Олимпии» произвело настоящий фурор. 18 августа 1905 года Мата Хари во время гене-

ральной репетиции впервые выступила в «Олимпии». А через два дня состоялось ее первое выступление перед зрителями. Это был подлинный триумф.

Мата Хари потратила больше денег, чем она заработала, за первые шесть месяцев своего успеха в Париже. Так было и в дальнейшем. Как только она стала получать большие гонорары, один парижский ювелир потребовал конфисковать ее имущество как компенсацию за неоплаченные счета на общую сумму 12 тысяч золотых франков.

Когда это дело разбиралось в суде, Мата Хари вспомнила о своем муже в Голландии и заявила, что все покупки у ювелира «совершались без разрешения моего супруга, голландского офицера». Решение судьи удовлетворило обе стороны. Мата Хари сохранила драгоценности, выплачивая долг по две тысячи франков в месяц.

Тем временем муж танцовщицы потребовал полного официального развода. А для этого необходимо было согласие Маргареты. Но она проявила строптивость. В конце концов Рудольф Джон прислал в Париж своего адвоката Хейманса, чтобы уговорить Маргарету. Джон хотел вступить в новый брак и дать Нон новую мать. Однако Мата Хари умело уходила от темы развода, утверждая, что ей так приятно снова поговорить по-голландски, и просила Хейманса не портить ей минуты удовольствия такой неприятной темой, как развод. Тогда адвокат предъявил ей фотографию голой Маты Хари, утверждая, что это снимок одного из друзей Джона, сделанный в Париже. Смутить такой ерундой танцовщицу, казалось, было трудно. Но она была удивлена и возмущена, так как фотографию сделал один из близких друзей и совсем не для распространения. Хейманс возразил, что любой голландский судья, увидев это, сочтет, что честная женщина и мать «не позволит сфотографировать себя в голом виде даже другу» и что так поступают только проститутки. Мата Хари понимала, что скандал самым неблагоприятным образом скажется и на ее артистической карьере, и на судьбе дочери. И скрепя сердце согласилась на официальный развод. Супруги были окончательно разведены судом в Амстердаме 26 апреля 1906 года.

22 ноября 1907 года Рудольф женился на Элизабет Марии Кристине ван дер Мааст. Она была на двадцать восемь лет моложе своего мужа и родила ему дочь Норму. Пенсии не хватало, и Маклеод подрабатывал судебными репортажами в ежедневной газете в Арнеме. Он передал дочь Маты Хари на воспитание другой семье. По субботам и воскресеньям она, правда, приезжала к нему домой, чтобы немного побыть у отца. Но новый брак Рудольфа тоже не сложился. Маклеод и Элизабет разошлись в 1912 году, а пять лет спустя последовал их официальный окончательный развод.

В январе 1906 года Мата Хари получила двухнедельный ангажемент в Мадриде. Это было ее первое выступление за пределами Франции. Она танцевала в центральном зале Мадрида. Зрители сожалели, что Мата Хари танцевала в трико, хотя и в «минимально возможном». Мэтр Клюне дал ей письмо своему другу – французскому послу в Мадриде Жюлю Камбону, сделавшему впоследствии удачную дипломатическую карьеру. В Мадриде Мата Хари неожиданно получила письмо от Астряка. Он сообщил, что вместе со своим другом Раулем Гюнсбурггом, директором оперы в Монте-Карло, ранее работавшим в театрах Москвы и Санкт-Петербурга, подписал для нее контракт. Мата Хари должна была выступить в балете Жюля Массене «Король Лахора». Она в ответ попросила прислать ей партитуру балета.

Постановка «Короля Лахора» осуществлялась под патронажем принца Монако Альберта I. Премьера балета прошла с огромным успехом. Теперь Мата Хари получила работу в настоящем театре. Наконец-то признали, что она могла хорошо танцевать. Рецензенты утверждали, что Мата Хари стала «соблазняющей звездой», придав балету «волнующий шарм необычных танцев», и что на карнавале в Ницце она очень эффектно исполнила роль Венеры. Сам Пуччини, находясь в Монте-Карло, прислал ей цветы. А шестидесятичетырехлетний Массне писал ей: «Я был счастлив видеть, как вы танцуете. Примите мои самые искренние поздравления».

Их отношения продолжились. Композитор даже подумывал написать балет специально для Маты Хари. А когда она жила в Берлине, Массне, незадолго до своего возвращения в Париж, восторженно писал ей: ««Как счастлив я был увидеть вас снова! Мата, Мата – через несколько минут я уезжаю в Париж! Спасибо, спасибо – и мое горячее восхищение!»».

В августе 1906 года Мата Хари впервые посетила Берлин, где стала любовницей крупного землевладельца Альфреда фон Киперта, лейтенанта 11-го Вестфальского гусарского полка. У Киперта была жена, красавица-венгерка, но роману с Матой Хари это ничуть не мешало, благо средства позволяли Киперту достойно содержать и жену, и любовницу. Для Маты Хари он снял апартаменты на Находштрассе, 39, недалеко от Курфюрстендамм. Они вместе ездили в Силезию, где с 9-го по 12 сентября прошли маневры германской армии. В дальнейшем во французском суде этот факт использовали как доказательство ее шпионской деятельности.

29 августа 1906 года Мата Хари написала из Берлина в Париж Габриэлю Астрюку, что получила из Лондона предложение выступить там в пантомиме, что ей «очень подходит». Но куда охотнее она занималась бы этим в Монте-Карло, где у нее «был такой большой успех». Она также сообщила, что Массне «ввел ее в Венскую оперу».

А уже в конце 1906 года Мата Хари с успехом танцевала в венском Сецессионс-зале, а затем в театре «Аполлон». Поскольку Австро-Венгрия, в отличие от сугубо светской Франции, была страной католической, танцовщица вынуждена была надевать облегчающее трико, а не обнажаться полностью. На своих первых выступлениях она танцевала голой. Потом, в театре «Аполло», надела трико.

В Вене Мата Хари жила в отеле «Бристоль». В отеле «Националь» поселилась американская танцовщица Мод Аллан. Между ними сняла апартаменты сама Айседора Дункан. Мод Аллан не надевала на сцену ничего, кроме золотых украшений. Потом на венских сценах появилась еще одна танцовщица, одетая только в носовой платок, «который держала в руке». Но когда прибыла Мата Хари, она выиграла соревнование. Некоторые дамы из высшего общества считали, «что это заходит уже слишком далеко», но после нескольких ее выступлений голоса критиков смолкли. Корреспондент венской газеты «Фремденблатт» так описал Мату Хари в отеле «Бристоль»:

«Высокая и стройная, с пластичностью грации хищного зверя, с иссиня-черными волосами, окаймляющими маленькое лицо, казавшееся необычным... Классические лоб и нос заставляют вспомнить об античности. Длинные черные ресницы оттеняют глаза, а тонкие брови словно написаны кистью художника».

Корреспондента немецкой «Дойчес Фольксблатт» она приветствовала «на вполне свободном, изысканном немецком языке». Причем она еще успела продемонстрировать свои губы, «как пухлые розовые лепестки».

Мата Хари объясняла: «Во время моего танца люди забывают о женщине во мне, так как в танце я все жертвую божеству, в конце концов, – и себя саму, что символизируется тем, что я спускаю с себя охватывающий бедра пояс, последнюю деталь одежды, и только полсекунды стою голой, никогда не пробуждала ни в ком никаких иных чувств, кроме интереса к выражаемому моим танцем мыслям».

А еще она призналась, что в Берлине не стала бы танцевать «даже за очень большие деньги». Но по крайней мере однажды нарушила это обещание. Это следует из сохранившейся в ее альбоме визитной карточки. Карточку переслала ей принцесса Леопольда фон Кроа, урожденная графиня фон Штернберг. На карточке сесть надпись по-английски: «Дорогая леди Маклеод. Если я требую от вас не слишком много, то я была бы вам очень благодарна, если вы пришлете на субботу еще два билета для графини Андраши, Вальнерштрассе, 6». Муж графини Андраши, граф Юлиус (Дьюла) Андраши-младший, в 1906–1910

годах был министром внутренних дел Австрии, а в октябре-ноябре 1918 года являлся последним министром иностранных дел Австро-Венгрии.

В Вене танец в голом виде состоялся в «Бюргерхалле». На представление было разослано множество приглашений: «Посмотрите на Мату Хари, леди Маклеод!». С 15 декабря 1906 года по 16 января 1907 года она выступала в венском театре «Аполло».

Чтобы создать для публики соответствующее религиозное настроение, оркестр играл в качестве музыкального введения к танцам Маты Хари гимн Мартина Лютера «Бог – наша крепость»!

Критик газеты «Ди Цайт» обоснованно сомневался, что танцы Маты Хари «в их восточном спокойствии, содержащем в себе нечто фантастическое, настоящие и что они вообще представляют собой индийское искусство». Но все равно признавал, что «в этом теле, созданном как произведение искусства с льстивой грацией и скрытым огнем в простых жреческих жестах, скрывается высочайшая привлекательность». И так разъяснил ее появление на сцене в голом виде: «Это артистическая, чистая привлекательность».

Подавляющее большинство отзывов были, как всегда, восторженными. «Айседора Дункан мертва! Да здравствует Мата Хари!» – воскликнул рецензент «Нойе Винер Журналь». А «Дойчес Фольксблатт» опубликовала любопытные стихи, посвященные Мате Хари:

А вокруг стильная группа
С перекрещенной группой богов.
Дамы и господа ожидали многого —
Обещанную игру в жертвоприношение
Танцевавшего в молитве Ларифари
В исполнении полуиндуски Маты Хари.
Когда она пришла в развевающихся покрывалах,
то было слышно,
как восторженно индийские мудрецы
От звуков скрипки
И от рояля.
К тому же в стиле Айседоры Дункан
Исполнялись танцы не совсем необычные,
Мата Хари танцевала с голыми ногами,
И не только с ногами,
Порой и кое-что еще показывала.
Это было высочайшее наслаждение от искусства —
Смотреть на ее мелькающую пятку,
На жертвенно поднятую руку,
Пока на теле так мало одежды;
И Мата Хари выходила три раза,
Пока не потеряла все свои одежды,
И вот, в последней тонкой вуали,
Она упала наземь в конце праздника.
После чего, дружески махнув рукой,
Исчезла с глаз почтенной публики долой.
Все, однако, надеялись, что это еще не конец.
Но вышел одетый господин и сказал:
– Вы можете идти домой,
Мату Хари сегодня больше не увидите.

Расцвет карьеры

Завершив в январе 1907 года гастроль в Вене, Мата Хари два с половиной месяца путешествовала вместе с Кипертом. 30 марта она писала из Рима Астриюку, что «совершила длительное путешествие в Египет, до самого Асуана». Там она надеялась найти, как она писала, «классические восточные танцы. Но, к несчастью, все, что когда-то было грациозным, красивым в танцах, которыми славился Египет, к тому времени уже исчезло. Оставшиеся танцы неграциозные и непривлекательные».

Она узнала, что Астриук готовит парижскую премьеру «Саломеи» Штрауса, запланированную на 10 мая в театре «Шатле». Мата Хари хотела бы в ней участвовать: «Музыка Штрауса потрясает своей мощью. Я так хотела бы создать и по-новому интерпретировать значение танца, который обычно является самым слабым звеном оперы. Плохо представленный танец не позволяет создать нужное впечатление от всего остального».

Она также сообщила Астриюку, что через несколько дней вновь появится в Берлине в своих апартаментах на Находштрассе, 39. Мата Хари также послала своему импресарио еще одно письмо с просьбой передать его самому Рихарду Штраусу. Но Астриук не собиравшись включить ее в «Саломею» и так и не передал письмо композитору. Мата Хари же, полная надежд, просила композитора о встрече, как только она снова будет в Берлине. «Я очень хотела бы создать „танец“. Прежде всего, я хотела бы танцевать в Париже, где я очень известна. Только я смогу точно интерпретировать настоящие мысли Саломеи». Она проинформировала Рихарда Штрауса о своем единственном достижении в профессиональном балете: «В Монте-Карло я танцевала „Индийский воздух“ Массне, и он сможет рассказать обо мне больше».

Мата Хари была буквально одержима мыслью, что только она в состоянии правильно станцевать «Саломею». Несколько лет она постоянно повторяла Астриюку эту свою просьбу, но выразить «настоящие мысли Саломеи» ей довелось только у другого импресарио.

Голландский сигаретный магнат, воспользовавшись популярностью нашей героини, начал выпускать сигареты «Мата Хари», рекламируя их следующим образом: «Новейшие индийские сигареты, отвечающие самому взыскательному вкусу, изготовлены из лучших сортов табака с острова Суматра». Хотя Маргарета в свое время жила на Яве.

Экзотическую танцовщицу звали в лучшие театры Европы. Ей рукоплескала Франция, Испания, Италия, Германия. Один богатый любовник сменялся другим.

Расставшись с Кипертом, Мата Хари в декабре 1907 года вернулась в Париж, где поселилась в фешенебельном отеле «Морис». Она разбогатела и теперь выступала главным образом в представлениях, устраиваемых с благотворительной целью. Ее слава была сравнима со славой знаменитой американской танцовщицы Айседоры Дункан и других балетных «звезд» того времени.

В интервью парижскому изданию «Нью-Йорк Геральд» 23 декабря 1907 года она сообщила, что «два года провела в увеселительном путешествии», хотя на самом деле путешествовала меньше года. Она побывала в Египте и в Индии и выучила три новых танца. Она надеялась возобновить артистическую карьеру 1 февраля 1908 года в зале «Фемина» на Елисейских Полях. Лучшим из трех новых танцев она считала «Легенду о розе». Презентация этого танца прошла на новогодней вечеринке в доме Арлетт Доржер. Актриса Доржер исполняла в «Театре Буфф Паризьен» «простодушную распутницу». Вскоре после этого Мата Хари продемонстрировала свою притягательность на одном благотворительном спектакле. Организовал этот праздник Леон Бэльби. Впоследствии он стал владельцем ежедневной газеты «Ле Жур» и инициатором знаменитого ежегодного бала «Bal de Petits Lits Blancs» в Парижской опере.

На новый 1908 год Мата Хари участвовала в благотворительном гала-вечере в театре «Трокадеро». Там выступали Саша Гюитри, Сесиль Сорель и шотландская певица Мэри Гарден, с большим успехом дебютировавшая в опере Шарпантье «Луиза» в 1900 году.

Наша героиня постепенно начинала понимать, что ее всерьез поджимает возраст. Пока Мата Хари путешествовала по экзотическим странам, во французской столице появилось немало ее конкуренток. Многие девушки без комплексов поняли, что красивое тело легко находит особенно большой спрос у зрителей, если оно частично или полностью обнажено. В театрах и кабаре появилось множество голых танцовщиц. И большинство из них были значительно моложе родоначальницы жанра. Теперь Мата Хари всерьез подумывала над тем, чтобы начать танцевать в длинном платье со шлейфом.

Молодые и более привлекательные, а также более образованные танцовщицы, например обучавшаяся в Берлине и Сан-Франциско канадка Мод Аллан, начинали теснить Мату Хари. Критика против нее звучала все громче и больше. Некоторые критики утверждали, будто у Маты Хари нет таланта, а ее дальневосточное искусство – чистое мошенничество. На некоторых критиков, в частности на директора одного парижского театра, она даже подала иск в суд за клевету. Судьи, после длившегося два года процесса, решили, что она создала нечто новое своими танцами, но ответчик так и не заплатил ей компенсацию.

Мата Хари была очень разгневана, что теперь ее имитируют во множестве парижских варьете. Свое возмущение она выразила в небольшой речи, произнесенной во время благотворительного спектакля в пользу пожилых актеров, состоявшегося 20 сентября 1908 года в Понт-о-Дам:

«Два с половиной года назад я впервые выступила на частном мероприятии в Музее Гиме. С того достойного внимания дня появилось все больше и больше дам, вынырнувших из ничего и прославлявших меня своими имитациями. Мне действительно льстили бы эти знаки внимания – если бы представления были правильными с точки зрения науки, искусства и эстетики. Но, к сожалению, о них такого сказать нельзя».

И здесь же она в очередной раз изложила свою фантастическую биографию: «На Яве, родившись среди чудесных тропических лесов, я с самого раннего детства изучила глубокое значение этих танцев, выражавших собой культ, религию. Только тот, кто там родился и вырос, проникнут их религиозным духом, и может придать им ту серьезную ноту, которой они достойны. Я объехала весь Восток, но я могу только сказать, что нигде не видела женщин, танцевавших со змеей в руках или с чем-то подобным. Такое я впервые увидела в Европе. И должна признаться, что меня это очень удивило. Восточные танцы, которые я видела и изучила на моей родине – на Яве, вдохновлены цветами. От этого они и получают свою поэзию.

В прошлом году я встретила в глубинах России одну даму – еще одну из этих псевдовосточных танцовщиц, которая совершенно серьезно называла себя „жемчужиной Востока“. Я не могла удержаться от замечания: „Если есть настоящие жемчужины, как же не быть подделкам!“». Это, собственно говоря, единственное свидетельство того, что в те восемь месяцев, что прошли между ее возвращением из Египта и появлением в Париже, Мата Хари успела побывать в России.

К тому времени Мата Хари уже располагала значительными средствами. И она не стеснялась их тратить. 4 октября 1908 года на Больших осенних скачках в Лонгшампе она появляется в изумительном бархатном платье с большой муфтой. А в следующий раз в том же Лонгшампе она была «в возбуждающем воображение плотно обтягивающем платье из синего шифонового бархата, отороченном шиншилой». Средства пока что позволяли шиковать.

Астрык легко находил ей выгодный ангажемент. Но Мата Хари охотно участвовала и в благотворительных концертах и вечерах, причем не только из-за рекламы, но и вследствие искреннего стремления помочь обездоленным. Чередой шли студенческий праздник

«Gala des Pupilles», выступление в доме Гиме, выступление в честь японского посла барона Курино. А в августе 1908 года она танцевала в пользу бедняков Ульгата в Нормандии.

Она утверждала, что в конце 1908 года вновь побывала в Египте, но это не соответствовало действительности. Мата Хари выступила в театре «Фемина» 6 февраля 1909 года. Она танцевала на благотворительных вечерах для госпиталя «Клементина» в Софии. В программе была болгарская музыка, болгарский танец, болгарские студенты в болгарских костюмах. Затем Мата Хари исполнила танец «Орхидея». В афише вечера утверждалось, что в ее жилах течет голландская, яванская, мадуранско-балийская и индийская кровь. Вот только болгарской крови не было.

Мата Хари стала настоящей «звездой» Парижа. Ее репертуар дополнился еще одним восточным танцем – «Кечубунг». По выражению рецензента «Дэйли Мэйл», этот танец был словно цветок, «который расцветает и погибает за одну ночь». В конце 1909 года Мата Хари позировала для картины художника Поля Франц-Намюра.

В январе 1910 года Мата Хари гастролировала в Монте-Карло. Директор парижского театра «Одеон» Андре Антуан ставил пьесу франко-алжирского автора Шекри-Ганема «Анчар» на музыку Римского-Корсакова. Действие происходило «где-то в Аравии». Третий акт состоял из балета, который танцевала одна-единственная героиня – Клеопатра. Вот ее и станцевала Мата Хари. 7 января состоялась премьера. «Огненный танец» Маты Хари всех покорила. Парижская газета «Матен» писала, что танцовщица «показала прекрасное исполнение, яркое, мистическое и выразительное».

Рецензент парижского журнала «Комедия» назвал Мату Хари «бесспорной королевой старинных танцев» в связи с ее выступлением на новогоднем бенефисе в театре «Аполло» в Париже. Теперь никто не сомневался, что она – прирожденная балерина.

А с июня 1910-го и до конца 1911 года у нее завязался бурный роман с крупным парижским биржевым маклером Руссо, с которым она жила в замке на Луаре, в Эвре. Это было симпатичное здание XVIII века. Фотографию замка в своем альбоме Мата Хари подписала «Мой золотой замок». Замок «Шато де ла Дорее» принадлежал графине де ла Тэйль-Тетренвилль. В 1910 году она сдала его Феликсу Ксавье Руссо, парижскому биржевому маклеру. Он привез с собой Мату Хари, которую выдавал за «мадам» Руссо.

Руссо познакомился с Матой Хари на одном вечере, где играл его сын. Ей казалось, что она по-настоящему полюбила. И окунулась в пламя страсти, уйдя на время от парижского света. В замке Мата Хари ежедневно совершала конные прогулки по окрестностям. Ее любимого коня звали Радж. Всю неделю, кроме суббот и воскресений, Мата Хари проводила в полном одиночестве. С ней оставалась только Анна Линтгенс, следовавшая за ней в Эвр. Руссо был старше Маты Хари и любил ее только в уикенд. В пятницу вечером Феликс приезжал на поезде из Парижа на вокзал города Тур. Оттуда на такси он ехал в Эвр. В понедельник утром карета из замка отвозила его обратно в Тур.

Однажды шестнадцатилетний юноша, родственник владелицы замка, привез Мате Хари письмо из Парижа. Он прискакал из Тура до Эвра на коне и очень гордился этим достижением, не преминув похвастаться столь долгой конной поездкой. Тогда Мата Хари вспомнила навыки цирковой наездницы, вскочила в седло и проскакала на коне по лестнице замка вверх и вниз. Возвращая поводья удивленному юноше, она заявила: «Вот если тебе удастся сделать то же самое, тогда ты действительно сможешь сказать, что умеешь скакать верхом».

Маргарета до умопомешательства влюбилась и ради любви была готова отказаться от триумфальных выступлений. Горничная Полин, прислуживавшая в замке, вспоминала: «Казалось, что они прекрасно ладили друг с другом. Ссор не было ни разу. Они частенько выезжали на лошадях на прогулку. У них были разные спальни. Но, конечно, они могли заходить друг к другу». А в большой спальне у Маты Хари была кровать с настоящим балдахинном цвета мальв.

В замке, чересчур средневековым по своему комфорту, где не было ни ванной комнаты, ни водопровода, ни электричества, Мата Хари, привыкшая к роскоши, вряд ли чувствовала себя особенно уютно. Но она очень любила Феликса и подчинялась его воле. Мать и жена Руссо прекрасно знали об их связи. Мать Феликса однажды навестила любовницу своего сына и постаралась отговорить Мату Хари от продолжения романа, но потерпела полное фиаско. Наоборот, они подружились, и старая мадам Руссо прожила в замке почти полгода.

Жена Феликса Руссо вспоминала: «Он был бабником. И действовал на женщин неотразимо. Но в конце концов он и Мата Хари поссорились. Когда спустя долгое время он вернулся ко мне, то был совершенно расстроен».

Но когда Руссо разорился из-за неудачной биржевой игры, она его бросила и сняла виллу в живописном парижском предместье Нейи-сюр-Сен. Позднее Феликс стал представителем фирмы, выпускавшей шампанские вина «Heidsieck». А жене после смерти не оставил ни гроша. Впрочем, Мате Хари он тоже ничего не оставил.

Эту виллу хорошо описал русский писатель Марк Алданов в очерке «Мата Хари», опубликованном в 1932 году: «Этот невысокий, небольшой, странной формы, странного цвета дом с садом не напрасно называется виллой. Он построен, вероятно, около ста лет тому назад и тогда был загородным, если не деревенским домом. Вилла „Реми“ расположена в той части Нейи, которая до сих пор сохранила глубоко провинциальный вид. Здесь еще нет больших домов; все особняки с садами. Очень мало лавок, почти нет кофеен – вот только одна, тоже необыкновенно провинциальная по виду, кофейня находится на улице Виндзор, как раз по соседству с № 11.

В № 11 жила Мата Хари. Здесь происходили ее „оргии“. Сюда же, очевидно, приходили к ней для деловых разговоров агенты германского генерального штаба. И для оргий, и для шпионских дел окруженный садом особняк на улице Виндзор был выбран чрезвычайно удачно: вот какой частью города всего менее могли интересоваться полиция и контрразведка.

По случайности вилла „Реми“ теперь сдается в наем; следовательно, ее можно осматривать. Я побывал в доме Маты Хари. В старинных уголовных романах Монтепена, Габорио, в разных „Тайнах розового дома“ описываются именно такие таинственные виллы. Сходство полное, вплоть до узких винтовых лестниц, соединяющих первый этаж со вторым. Может быть, помимо удобства, именно романтика этого старого особняка и привлекла внимание Маты Хари – ведь ее и погубила главным образом романтика».

К романтике, которая Мате Хари, конечно, была присуща, как и почти любой актрисе, следует прибавить еще изрядную дозу авантюризма, которая, очевидно, и стала одной из причин гибели нашей героини. Кстати, сам Алданов был вполне убежден, что Мата Хари была настоящей шпионкой, вполне удовлетворившись официальной французской версией: «Делались попытки доказать, что расстреляли ее без всякой вины, – попытки весьма неудачные: едва ли можно сомневаться в том, что Мата Хари была шпионкой. Она даже была, если можно так выразиться, шпионкой в чистом виде». Впрочем, непосредственно с материалами следствия и суда он знаком не был, как и подавляющее большинство писавших о Мате Хари. Алданов, впрочем, оговорился: «Обстоятельства, при которых Мата Хари стала шпионкой, известны только германской разведке. Мы здесь вступаем в область догадок».

Но вот как раз германской разведке о Мате Хари сказать было нечего. Германские офицеры в послевоенных мемуарах лишь пересказывали те факты, которые были оглашены на суде. Никакой конкретной информации, которая поступила от Маты Хари и могла бы оказаться полезной германскому командованию, они при всем желании назвать не могли.

Когда она время от времени возвращалась из Эвра в Париж, во всех газетах и журналах появлялись ее фотографии на скачках и иных светских мероприятиях. В дальнейшем она переехала в маленький, но очень привлекательный дом в пригороде Нейи-сюр-Сен, Рю Виндзор, 11. Феликс Ксавье Руссо обставил этот дом, но за дорогую мебель не заплатил,

поскольку, очевидно, уже начал потихоньку разоряться. Соответствующий чек он отправил жене, но она тоже не стала оплачивать мебель для любовницы мужа. Когда Мата Хари жила в доме, сад был площадью в 560 квадратных метров. Так как других домов вокруг не было, он был достаточно велик, чтобы Мата Хари могла развлекать там танцами гостей, и она нередко танцевала обнаженной.

Габриэль Астрюк устроил для нее выступление в миланском театре «Ла Скала». Это был пик ее карьеры. Импресарио постарался сделать так, чтобы она выступала вместе с Русским балетом, первое выступление которого в Монте-Карло состоялось благодаря Габриэлю Астрюку и Раулю Гюнсбургу. Художник Леон Бакст, занимавшийся сценическим оформлением выступления труппы, получил предложение создать специальные костюмы для выступлений Маты Хари в Милане. Но из-за финансовых трудностей Руссо материальное положение Маты Хари ухудшилось, и она написала Астрюку: «Нам Бакст не нужен».

Она также сообщила, что до отъезда в Милан закажет еще несколько своих фотографий в образе Венеры. Эту партию она должна была танцевать в «Ла Скала». Имея на руках контракт с самым большим оперным театром в мире, она считала, что и на других престижных площадках ей не будет отказа.

Миланский оперный театр «Ла Скала» пригласил ее на зимний сезон 1911/12 года, а затем и на летний сезон. Мата Хари танцевала в «Ла Скала» в двух балетах, что было заветной мечтой балерин того времени. Она познакомилась с Преображенской, которую в письме к Астрюку называла самой выдающейся балериной того времени, и упомянула, что та дала ей «несколько очень полезных советов». На открытии сезона она танцевала свой ставший уже знаменитым танец «Принцесса и волшебный цветок» – в пятом акте оперы немецкого композитора Глюка «Армид», написанной в 1777 году. В новом балете, на музыку Маренко, она 4 января 1912 года была Венерой. И опять большой успех, аншлаги и благожелательные отзывы критики.

Оркестром на первом спектакле сезона дирижировал выдающийся дирижер Туллио Серафин. В 1963 году он вспоминал, что Мата Хари была «восхитительным созданием. Очень культурная, с природными задатками к искусству. Производила впечатление просто природной аристократки. Но, кроме того, она была серьезной актрисой и личностью». Миланские газеты были потрясены ее выступлением. «Коррьере делла Сера» посчитала ее танцы несколько медленными, но похвалила ее «выразительные движения» и назвала Мата Хари «мастером танцевального искусства, с изобретательным даром мимики, творческой фантазией и необычайной силой выразительности».

Мата Хари писала Астрюку: «Все газеты единодушно сообщают, что я идеальная Венера... Я танцевала Венеру со своими собственными волосами, то есть темными. Они сначала были удивлены, но я научила их, что Венера – это абстрактная фигура, то есть воплощение красоты. Таким образом, у нее могут быть и коричневые, и рыжие, и светлые волосы. Они согласились».

Еще до поездки в Италию начались переговоры о поступлении Маты Хари в труппу Русского балета Сергея Дягилева. Параллельно Астрюк вел переговоры и о возможных выступлениях в Берлине. Но здесь Мата Хари была настроена скептически и писала импресарио: «Что касается Берлина, то я полностью готова исполнять там один из моих классических танцев. Но я не думаю, что смогу получить там сценическое оформление с роскошными цветами и лунным светом, без которых мой танец невозможен».

Танцовщице были очень нужны деньги. 8 февраля 1912 года она в очередной раз писала Астрюку, и ее письмо было настоящим криком души: «Может быть, вы знаете кого-то, кто заинтересован в протекции людям искусства? Я имею в виду капиталиста, который мог бы сделать такую инвестицию. Мое положение сейчас достаточно тяжелое. Мне срочно нужны тридцать тысяч франков, чтобы выпутаться из этой ситуации и вернуть душевное спокой-

ствие, которое так нужно для моего искусства. Было бы очень жаль, если бы мне пришлось закончить свое будущее раньше срока. Как гарантию для займа я предлагаю все, что есть в моем доме, включая лошадей и карету».

Она обещала вернуть кредит за два-три года за счет гонораров за выступления. Возможный контракт предусматривал бы предварительное удержание комиссионных посредника от всех возмещаемых сумм кредита. До сих пор не известно, нашел ли Астриук мецената для Маты Хари. Тем не менее в ее конюшне на вилле в Нейи-сюр-Сен содержались чистокровные жеребцы, стоившие немалых денег.

Переговоры с Дягилевым дошли до такой стадии, что Мате Хари надо было ехать в Монте-Карло. В марте 1912 года она встретила там с Дягилевым, Фокиным и Нижинским. Но дело обернулось не так, как она предполагала. Мата Хари думала, что Дягилев сразу подпишет с ней контракт. Ее танец и ее манера исполнения могли быть очень привлекательны в рамках определенных опер и балетов, которые предоставляли подходящий фон ее очень специфическому танцу. Но у Русского балета для нее подходили лишь «Шахерезада» и «Клеопатра». Дягилев захотел сначала посмотреть ее танец, а затем его оценить. Но с таким требованием к Мате Хари никогда прежде не обращались. Она ведь была признанной актрисой. Кому пришло в голову ставить под сомнение ее способности? В письме Габриэлю Астриюку она сообщила, что Дягилев потребовал от нее сначала работать, а лишь потом, возможно, подпишет с ней контракт. Для нее это было равносильно тому, как если бы Дягилев захотел от нее, чтобы она «просто ни с того ни с сего приехала в Монте-Карло».

Это письмо Мата Хари писала после того, как русский продюсер не пришел на встречу с ней, прислав в отель записку, что он очень поздно пришел с проб и, «к сожалению, не в состоянии работать над танцем богини». Тут она снова вспомнила о Баксте, и по довольно странному поводу. Роль богини, вероятно, требовала, чтобы Мата Хари танцевала голой или, по меньшей мере, полуголой. Бакст, очевидно, захотел увидеть, как выглядит ее тело, которое ему пришлось бы одевать – или раздевать. Мата Хари 2 апреля писала Астриюку: «Бакст полностью раздел меня в моей комнате. Этого достаточно. Я не вижу совершенно никакой необходимости повторять это все еще раз на сцене в Босолей, где свободно ходят и все могут видеть все рабочие сцены».

А 30 апреля она информировала импресарио: «Я должна вам признаться, что история с Русским балетом поставила меня в очень неудобное положение. Я просто слишком много об этом рассказывала».

Она потребовала от Астриюка найти ей работу после провала переговоров с Русским балетом. Ее возбуждала Вена. Но если не получится с Веной, она готова была ехать куда угодно. 16 мая она писала импресарио: «Пожалуйста, попробуйте с Лондоном или с США, если ничего не выйдет с Веной. Но Вена привлекает меня больше всего, потому что там у меня самое большое признание».

14 декабря 1912 года парижское научное общество «Университет летописей» попросило Поля Оливье, музыкального критика газеты «Ле Матен», прочитать лекцию для своих членов о японских, индийских и яванских храмовых праздниках. Мата Хари казалась самой подходящей фигурой для иллюстрации доклада соответствующими танцами. Она участвовала в мероприятии совместно со своим оркестром под руководством Инайята Хана, называвшего себя учителем музыки махараджи Хайдарабада. Мата Хари исполнила свой знаменитый танец «Принцесса и волшебный цветок» и новый танец «Чундра». Его следовало танцевать только при свете луны.

Оливье назвал историю о волшебном цветке самой знаменитой и поэтической легендой Индии: «Молодая жрица гуляет в своем саду, среди множества цветов. „Я гуляю в саду жизни“, – поет она. Внезапно она замечает прекрасный цветок. Он олицетворяет любовь. Должна ли она сорвать его? Движения покрывала в ее руке выражают чувства, которые

нахлынули на нее. Наконец она преодолевает свое замешательство. Принцесса срывает цветок – и с нее спадают все покрывала».

Поль Оливье, которому после лекции срочно нужно было уехать, послал на следующий день Мате Хари восторженное письмо: «Вы были незабываемым, блистательным центральным пунктом этого слишком короткого праздника, праздника исключительного, неповторимого рода, который останется у нас всех в памяти, особенно у докладчика... Я кладу к вашим ногам, глубокоуважаемая мадам, знаки моего самого горячего и искреннего почтения. Не откажите мне в этой чести и примите заверения в моей полной и безграничной преданности».

20 февраля 1913 года она снова написала своему импресарию письмо, где выражала надежду как можно больше выступать в ближайшем будущем на частных мероприятиях. Возможно, Астриук сообщил, что теперь не может запрашивать такие большие гонорары, к которым она привыкла. Она упоминает в своем письме, что полностью полагается на Астриука во всех денежных вопросах: «Если вы думаете, что тысяча франков – слишком много, то соглашайтесь на шестьсот».

Неожиданно импресарию нашел для нее работу, которой она никогда прежде не занималась, – музыкальную комедию. «Театр де ля Ренессанс» поставил оперетту «Минарет», очень удачную пьесу Жака Ришпена. В ней роль Мустафы играл ставший впоследствии знаменитым киноактером француз Гарри Бор. На пятидесятом представлении продюсер спектакля мадам Кора Лапарсери решила обновить спектакль. Благодаря Астриуку она наняла для спектакля Мату Хари, чтобы та в третьем акте еще блистательнее представила сцену свадьбы. Из-за ее «бесспорной грации, красоты и гармонии движений» у Маты Хари был очень большой успех.

Лапарсери решила занять Мату Хари в программе на целый месяц, с 18 апреля по 18 мая 1913 года. В июне этого же года Мата Хари заявила, что ей наскучило выступать на публике. В разговоре с Южен д'Обиньи из «Монитор Театрикаль» в гардеробе «Театра комедии» на Елисейских Полях она сказала, что выступила на докладе Юго Леру, чтобы не разочаровывать докладчика: «Люди здесь просто многого не понимают. Публика видит только танец. Но не понимает его значения. Чтобы исполнять наши танцы, нужно обладать нашим воспитанием, которое сформировалось за три тысячелетия. Наши танцы требуют лунного света и пальм. На сцене они не оказывают правильного воздействия».

Но, несмотря на триумф на лучших сценах мира, танцовщица стала ощущать нехватку денежных средств. Пришлось опять вернуться на сцену. В летний сезон 1913 года Мата Хари выступала в Париже, в новом спектакле, поставленном на подмостках «Фоли бержер». На этот раз она танцевала хабанеру и опять собрала аншлаги.

Премьера состоялась 28 июня. Шоу называлось «Ревю в рубашке». На премьере присутствовали аристократы во главе с послом Испании. Фоном служила увеличенная копия картины Гойи. Ее движения были медленны, напоминая восточные танцы. Ее тело было затянато в узкий корсет. Широкая испанская юбка скрывала ноги. Зато были открыты руки, гибкие, как лианы. Снова аншлаг, и снова публика в восхищении. Мате Хари пришлось дать дополнительное выступление.

«Это настоящее искусство, – писал один из рецензентов. – Красивое чистое искусство – с большой буквы. Уже сама это сцена, эта восхитительная живая картина Гойи достойна того, чтобы посетить „Фоли Бержер“».

До 15 сентября 1913 года, две недели подряд, Мата Хари выступала во «Дворце Трианон» в Палермо (Сицилия). «Трианон» был «кафешантан-синема», очень популярный жанр в те годы. Мата Хари выступала дважды в день. Она была звездой программы, включавшей десять номеров. После кинематографических сеансов следовала сцена с дрессированными собаками.

В конце февраля 1914 года Мата Хари вновь посетила Берлин, где возобновился ее роман с Кипертом. Она собиралась поставить египетский балет, в связи с чем написала Гиме в Париж. Семидесятичетырехлетний меценат ответил 9 марта: «Дорогая мадам! Идея поставить на сцене египетский балет представляется мне великолепной – но только в том случае, если он будет на самом деле египетским. Если бы вы были в Париже, вы получили бы в моем музее все нужные вам сведения. Но вы в Берлине. Пожалуйста, отыщите там профессора Эрмана из Музея египтологии».

Она тут же узнала адрес профессора и записала его карандашом прямо на письме Эмиля Гиме: «Тайный правительственный советник, профессор Эрман, Петер-Ленне-Штрассе 72, Далем».

Неизвестно, встречалась ли Мата Хари с директором берлинского музея, но египетский балет она так и не поставила. И другой балет, для которого она сама написала либретто, озаглавив его «Химера светского видения», так и не увидел сцены. Это была история о беспокойстве юного священника, которого преследует видение женщины.

23 марта мая она заключила контракт с берлинским театром «Метрополь» на участие в балете «Похититель миллионов», премьера которого была намечена на 1 сентября. Но премьере помешало начало Первой мировой войны, которая практически поставила крест на артистической карьере Маты Хари и вынудила ее попытаться зарабатывать деньги иным образом.

Война

Мата Хари вспоминала, как она встретила известие о начале Первой мировой войны: «Однажды вечером, в конце июля 1914 года, я ужинала в кабинете ресторана с одним из моих поклонников, одним из руководителей полиции фон Грибалем (он руководил зарубежным отделом). Внезапно до нас донесся шум какой-то манифестации. Грибаль, который ничего о ней не знал, вышел со мной на площадь. Перед императорским дворцом собралась огромная толпа. Все выкрикивали: „Германия превыше всего!“».

На суде она так объяснила это знакомство: «В Германии, – показывала она на суде, – полиция имеет право цензуры над театральными костюмами. Меня находили слишком обнаженной. Префект зашел осмотреть меня. Так мы и познакомились».

Платили ей по тем временам весьма неплохо, по крайней мере до начала войны. Мата Хари получала за выход в среднем около двухсот золотых франков. Но, несмотря на дорогие подарки и немалые финансовые средства, которые она получала от любовников, Мата Хари постоянно нуждалась в деньгах, которые у нее не задерживались, и часто брала в долг. Говорят, она все проигрывала в карты.

23 мая 1914 года Мата Хари подписала контракт с директором Шульцем, гарантировавшим ей ангажемент в театре «Метрополь» на улице Беренштрассе с 1 сентября. В альбом она записала: «Театр „Метрополь“, Берлин, Германия, директор Шульц». Спектакль, где она должна была выступать, назывался «Похититель миллионов».

Мата Хари поселилась в отеле «Камберленд». Уже началась кампания по рекламе ее выступлений.

Как отмечает германский историк Герхард Хиршфельд, «для космополитки Маты Хари начало войны стало катастрофой во всех отношениях. Конец „прекрасной эпохи“ и вспыхнувший национализм имели печальные последствия для ее экстравагантного стиля жизни. Внезапно отошло в прошлое все, к чему она привыкла, – легкие и неконтролируемые путешествия, частые переезды и пребывания в дорогих отелях, а также то, что полиция раньше очень редко интересовалась личностью ее часто менявшихся сексуальных партнеров. Воюющие (а порой и нейтральные) страны запретили почти все путешествия, ввели ограничения почти во всех общественных и личных сферах жизни и требовали от своих подданных безусловной лояльности».

После начала войны Мата Хари решила вернуться в Париж через нейтральную Швейцарию. Но это оказалось совсем не просто сделать. 6 августа 1914 года она выехала в Базель. Мата Хари не знала, что с началом войны Швейцария значительно ужесточила правила пограничного контроля. На швейцарской границе актрисе разрешили переправить только ее багаж, а самой въезд в Швейцарию не разрешили, так как у актрисы не было необходимых документов. 6 августа она со всем своим багажом выехала из Берлина, направляясь в Швейцарию. Она не знала, что Швейцария с началом войны ужесточила правила пересечения своих границ. Позже, в ходе предварительного следствия в Париже, она рассказывала, что ее багаж благополучно переехал в Швейцарию в грузовом вагоне. А ей самой было отказано во въезде, потому что у нее не было полагающихся документов.

На самом деле закон об ужесточении пограничного контроля, предусматривавший специальные печати в документах иностранцев, въезжающих в Швейцарию, формально был принят лишь 22 ноября 1917 года. Но с началом войны для въезда в страну уже нужно было предъявлять действующий заграничный паспорт. Вечером 7 августа Мата Хари снова была в Берлине – но без багажа. 14 августа она отбыла из Берлина во Франкфурт-на-Майне, чтобы в голландском консульстве получить документ на право выезда в Нидерланды. Мате Хари нужно было лишь официальное удостоверение личности, позволявшее ей пересечь границу.

Документ, выданный 15 августа 1914 года, был всего на одном листке. Он считался удостоверением личности, но фотографии на нем не было. Требование помещать фотографию появилось позже. На формуляре, где были заполнены лишь графы с именем и другими данными, было написано:

«Генеральный консул Нидерландов во Франкфурте-на-Майне просит именем Ее Величества Королевы Нидерландов все гражданские и военные власти князей и государств, друзей и союзников Ее Величества не только разрешить пересечение границы госпоже Маргарете Гертруде Зелле, разведенной, фамилии по мужу Маклеод, родившейся в Леувардене, проживающей в Берлине, подданной Нидерландов, вместе с ее багажом, но и, в случае необходимости, оказывать ей помощь и поддержку. Выдано во Франкфурте-на-Майне, 15 августа 1914 года.

*Генеральный консул Нидерландов
Х. Х. Ф. ван Панхейс».*

В документе указывалось, что ее рост 1 м 70 см и что у нее большой нос и карие глаза. Первоначально ее возраст был указан правильно – 38 лет, но затем был исправлен на 30 лет. Очевидно, она хотела, чтобы ее считали моложе своих лет. Ее волосы были очень черные, но в них уже пробивались седые пряди. Тем не менее в Париже в 1916 году она преобразилась в блондинку.

Ее отец Адам Зелле умер еще в 1910 году. В Амстердаме Мата Хари навестила господина и госпожу К. У госпожи К. сложилось впечатление, что Мата Хари была глубоко несчастна и чувствовала себя очень одинокой. Она понимала, что до Парижа сейчас не добраться. Ее богатых любовников в тот момент в Амстердаме не было.

Но в Амстердаме она попала в довольно затруднительное положение, поскольку ее гардероб был либо еще в Швейцарии, либо довольно медленно путешествовал в Париж. Все ее состоятельные друзья и покровители в Голландии были призваны в армию (в связи с началом Первой мировой войны в Нидерландах тоже была объявлена мобилизация), и о получении театрального ангажемента не приходилось даже мечтать. Несмотря на это, Мата Хари выбрала дорогой отель «Виктория», ибо привыкла ни в чем себе не отказывать.

Она вспоминала: «Снова оказавшись на родине, я почувствовала себя просто ужасно. У меня совершенно не было денег. Правда, в Гааге жил один мой очень богатый поклонник, его фамилия ван дер Капеллен. Но я хорошо знала, какое значение для него играет то, во что женщина одета. Поэтому я не стала его разыскивать, пока не обновила гардероб. Мое положение было сложным, пока однажды, выходя из церкви в Амстердаме, я не позволила некоему незнакомцу заговорить со мной. Он оказался банкиром по имени Генрих ван дер Шельк и стал моим любовником. Он был добрым и чрезвычайно щедрым. Я выдавала себя за русскую, поэтому он счел своим долгом знакомить меня с достопримечательностями страны, которую я знала лучше него».

Нон, которой уже исполнилось шестнадцать, слышала о своей матери очень мало. Окончив педагогическое училище в Гааге, она первый год проработала учительницей в Фельпе. В это время она жила с отцом в расположенном поблизости от Амстердама Де Стееге. Мата Хари решила написать ей письмо, где предположила, что раз дочь уже наверняка слышала всевозможные сплетни о ней, то теперь она уже достаточно взрослая, чтобы услышать историю жизни непосредственно от своей матери.

Нон показала письмо отцу. Тот тут же отослал его своему адвокату Хеймансу, сопроводив письмо нелестным замечанием в адрес бывшей жены. По совету Хейманса Джон Маклеод ответил на письмо бывшей жены вместо дочери. Он написал, что если Грит хочет

увидеть дочку, то пусть потрудится написать письмо непосредственно ему, отцу. Она так и сделала – по-французски. Письмо было написано 18 сентября 1914 года в отеле «Виктория»:

«Мой дорогой друг. Если ты так хочешь, я попрошу тебя лично. Будь добр и дай мне увидеть мою дочь. Я уже настолько стала парижанкой, чтобы забыть о необходимом такте – все равно, в какой ситуации. Пожалуйста, сообщи мне, что нужно сделать. Я уже заранее благодарю тебя за то, что ты позволишь мне то, чего я так страстно желаю.

С глубоким уважением, Маргарета».

В постскрипуме она добавила: «Пожалуйста, в ответе используй имя Мата Хари».

Отвечая ей письмом, бывший муж удивился, что она так быстро забыла голландский, хотя письмо Нон написала как раз на голландском. Он согласился на встречу дочери с матерью, но только если она не будет настраивать дочь против отца. Маклеод надеялся, что старая обида за это время уже исчезла. Но он не хотел, чтобы встреча Маты Хари и Нон состоялась в Гааге или Амстердаме. В качестве места встречи он предложил Роттердам. Мачеха Нон Гритье Маклеод рассказывала Ваагенаару, что Джон думал, что бывшая жена хочет увидеть свою дочь лишь потому, что до нее дошли слухи, что Нон очень красива. Предположение более чем странное. Ведь скромная выпускница педагогического училища ни в коем случае не была какой-нибудь «звездой», о которой говорила вся Голландия.

Длинноногая, со смуглой кожей и черными волосами матери, Нон на самом деле выглядела весьма привлекательно. Маклеод подозревал, что Мата Хари захочет показаться с Нон на публике в Амстердаме или Гааге, где ее хорошо знали, и поэтому выбрал Роттердам, где ее никто не знал.

В следующем письме Мата Хари сообщала бывшему супругу, что в будущем хотела бы позаботиться о воспитании Нон, и допускала, что, возможно, ей удастся на какое-то время взять девочку с собой в Швейцарию. Такая перспектива явно не вызвала у него восторга, и он предложение отклонил. Маклеод написал, что будет гораздо лучше, если Мата Хари поможет Нон деньгами. Можно, например, поместить на счет в банке пять тысяч гульденов, чтобы Нон могла брать уроки вокала и игры на пианино. Однако некоторое время спустя Джон, убедившись, что денег от Маты Хари не получить, сообщил бывшей жене, что не может поехать в Роттердам, потому что еще не получил от правительства свою месячную пенсию. Мата Хари наконец поняла, что он не собирается устраивать ей встречу с Нон. Она никогда больше не увидела свою дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.